
18+
ВЕКТОР
РАСПАДА
ДЕНИС ИВАНОВ

Денис Иванов
Вектор распада

https://litres.ru/74757273
ISBN 9785007149402

Аннотация

Мы привыкли верить в незыблемый порядок вещей: выводим плоскости до

миллиметра, укладываем инструменты по ранжиру и маниакально контролируем

каждый свой шаг. Но хаос не приходит извне — он зреет внутри, готовый в любой

момент взломать привычные траектории судеб.

Содержание

ДО ПЕРВОГО ШАГА 5
Вектор распада 7
ПРОЛОГ 8
Глава 1 10
Глава 2. Две минуты до четверга 15
Папка №1 ОБЪЕКТ «СОВА». ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ЗАКРЫТОГО ДЕЛА №07-Х 21
Глава 3. Системный сбой 23
Папка №2 ОБЪЕКТ «СОВА». ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ЗАКРЫТОГО ДЕЛА №07-Х 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Вектор распада

Денис Евгеньевич Иванов

© Денис Евгеньевич Иванов, 2026

ISBN 978-5-0071-4940-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДО ПЕРВОГО ШАГА

Посвящается моему отцу, Жене.

Эта книга лишь полуоткрытая дверь, за которой оставлен чистый холст.

Автор набросал контуры и силуэты, но цвет, глубину и финальные штрихи выбираете вы. Мой замысел лишь один из сотен возможных путей.

Перепишите эту историю для себя во время чтения и найдите в ней те смыслы, которые нужны именно вам.

Каждый увидит то, что захочет, но не всякий увидит истину.

Мы привыкли верить в незыблемый порядок вещей. Выводим плоскости до миллиметра, укладываем инструменты по ранжиру, запираемся в стерильных коробках городов и маниакально контролируем каждый свой шаг. Нам кажется, что это и есть жизнь. Но это лишь попытка спрятаться от выедающей душу пустоты.

Хаос не приходит извне-он зреет внутри, готовый в любой момент взломать привычные траектории судеб. Настоящая природа человека просыпается только там, где система дает фатальный сбой, а идеальный глянец покрывается жирной таёжной копотью.

Эта космологическая драма — не вымысел. Это изнанка реальности, переданная через кровь, память и отчаянную попытку найти твердую опору. Там, где само время пятится назад. Это мое послание в вечность.

Вектор распада

На фоне монументальной и опасной природы тайги разворачивается космологическая драма, где человеческие эмоции оказываются тесно переплетены с фундаментальными силами вселенной. Здесь у каждого героя есть своя невидимая грань и свои скрытые мотивы, а истинные роли персонажей останутся неразгаданными до самого финала. Это история о распаде связей, силе памяти и отчаянной попытке человека найти твердую опору там, где система вокруг него дает фатальный сбой.

ПРОЛОГ

В тайге нет тишины. Тот, кто считает её безмолвной, просто никогда не оставался один на один с километрами спящей, замерзающей хвои под апрельским небом. Тайга всегда гудит. Это низкий, едва уловимый жилами шум, похожий на работу гигантского, глубоко зарытого в землю трансформатора.

В посёлке у стен исправительной колонии «Сова» этот гул въелся в стены деревянных бараков, в ржавчину на колючей проволоке и в кости тех, кто остался здесь служить. Апрельский снег в этом году залежался грязный, покрытый жёсткой коркой, будто обветренная горбушка недельной давности, он неохотно таял, обнажая чёрную, жирную колею единственной дороги, ведущей на большую землю. К цивилизации.

Начальник лагеря Иваныч часто говорил, что в «Сове» само время движется по-другому вектору. Но он ошибался. Здесь ломалось не время. Здесь время ломало судьбы, ломалась сама структура реальности.

Этот гул не заканчивался у ворот лагеря. Напротив, под землёй, в заброшенном бункере «Совы», в кромешной тьме, куда десятилетиями не попадали лучи солнца, среди крыс и спёртого воздуха старой советской вентиляции звук обретал форму. Он превращался в хрип, свист и монотонное потрескивание. Трансформаторный ритм не затихал у ворот. Он

ждал. И тот, кто ехал к нему, уже не мог повернуть назад.

Глава 1

Грязь летела выше крыши. Тяжёлый, липкий апрельский наст таёжного бездорожья отчаянно сопротивлялся, но Виктор лишь крепче сжимал зубы и крутил обод руля до глухого хруста в суставах. УАЗ ревел, срывался в жирную чёрную колею, принимал подвеской жестокие удары, но шёл вперёд. И Виктору это нравилось. Физическое насилие над машиной и собственным телом выбивало из головы тупую, онемевшую пустоту. В этой яростной борьбе со стихией и железом он впервые за долгое время чувствовал себя живым.

В какой-то момент, когда колея превратилась в сплошное грязное месиво, Виктор затормозил, давая перевести дух исходившему паром мотору. Рука на автомате, подчиняясь многолетней привычке, потянулась к карману. Пальцы нащупали помятую пачку. Он достал единственную, последнюю сигарету. Поднося её к лицу, Виктор замер на пару секунд, глубоко вдыхая горьковатый запах сухого табака, прикрыл глаза, а затем аккуратно убрал её обратно в карман.

— Нет, не сейчас, -тихо повторил он свой дорожный обет, который дал себе больше месяца назад, когда бросил курить. Этот внутренний запрет был едва ли не единственным, что ещё связывало его с понятием контроля.

Дорога была лекарством от застоя. Ещё неделю назад Виктор сидел в своей идеальной, стерильной мастерской на во-

семьдесят квадратов в Самаре. Вокруг стояли безупречно отремонтированные иномарки, глянцевые, холодные, чужие. Каждый новый день был копией предыдущего: ворота бокса, рутинная работа по выведению идеальной плоскости и изгибов кузова, звонки клиентов. Бесконечный день сурка.

Но в тот последний вечер привычный ритм сломался. Виктор закончил работу и двинулся к углу бокса. Поворот хромированного барашка, хлынувшая в раковину вода, он молча вымыл руки, завершая свой ежедневный ритуал. Поворот хромированной ручки в обратном направлении. Виктор застыл перед краном с задумчивым взглядом: из плотно закрытого смесителя продолжала бежать медленная, упрямая струйка.

Резкий щелчок тумблера, гаснущий свет… и ключи, которые он просто оставил торчать в замочной скважине ворот бокса. Он ушел, в темноту

Триггером стал жёлтый конверт, упавший в почтовый ящик ровно в день, когда ему исполнилось сорок. На нём была всего одна надпись от руки сухие цифры координат. Ни адреса, ни штемпелей, ни имени отправителя. Виктор не стал вскрывать его дома. Этот плотный конверт стал не целью, а просто толчком к побегу, беззвучным знаком того, что если он не уедет прямо сейчас, дальше будет только тлен. Он забил координаты в навигатор смартфона, швырнул конверт на пассажирское сиденье и просто погнал машину в таёжную глушь, подальше от стерильного бокса, навстречу слепому

предчувствию.

Колёса в последний раз провернулись в грязи, и УАЗ упёрся в облезлый, покосившийся шлагбаум «Совы». Дальше колея обрывалась. Виктор плавно заглушил двигатель. Щёлкнул тумблером плафона, желтоватый свет залил салон, возвращая иллюзию тепла.

Только теперь, добравшись до конечной точки маршрута, Виктор протянул руку и взял с пассажирского сиденья жёлтый конверт. Пальцы слегка подрагивали от сырого холода, пробивавшегося сквозь щели старых уплотнителей дверей. Он аккуратно надорвал край и вытащил листы. Бумага внутри оказалась опалена с одного угла, словно её в спешке пытались сжечь, а затем передумали и грубо потушили пальцами. Часть текста превратилась в сплошное чёрное пятно. Но то, что уцелело, ложилось на душу свинцовой тяжестью:

«Витя. Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Я должен признаться, пока остатки ума не выжрал этот проклятый гул. Я всю жизнь врал тебе: твой отец-не я. Твой настоящий отец-Женя. Мы вместе были там, на объекте, куда тебя приведут координаты. Мы совершили то, чему нет прощения. Экспедицию забрали всю, до единого человека. Живым остался только я. Женя не вернулся, Витя, но его исчезновение… оно до сих пор держит этот мир от схлопывания. Если бы он тогда вырвался наружу и вернулся домой, тебя бы просто не существовало в природе…»

Дальше шла обугленная пустота. Бумага крошилась под

пальцами, скрывая подробности той страшной ночи.

Виктор медленно опустил лист. Рука снова коснулась сигареты в кармане, провела по сухому табаку сквозь ткань, словно проверяя, на месте ли его обет, но доставать не стал.

Он бросил взгляд на руль. Каждая гайка этого УАЗа была перебрана им вручную в той самой брошенной мастерской. Машина пахла детством, отцовской заботой. Иваныч безумно любил его, учил чинить моторы и слушать тайгу. Но за этой любовью всегда крылся панический, застарелый страх. Отчим панически боялся, что мальчик узнает правду. Передавая ключи, он сказал: «Береги её, Витька. Она принадлежала моему лучшему другу». Только после похорон мать Виктора, Ольга, сорвала эту доверчивую завесу: Иваныч действительно усыновил его уже после того, как таинственная экспедиция сгинула в тайге.

Виктор крепче сжимал обод руля. Прямо здесь, у покосившегося шлагбаума КПП, таёжный шум внезапно отступил. Тяжёлый, низкий подземный гул, который всю дорогу казался просто эхом бесконечных километров хвои, теперь вибрировал с пугающей, плотной силой прямо под днищем УАЗа. Звук шёл снизу, из глубин заброшенного бункера «Совы», скрытого сразу за воротами лагеря. Этот утробный трансформаторный ритм отдавался в самой рамной конструкции машины, пробивал подошвы ботинок и гудел где-то глубоко под рёбрами. Бункер ждал его.

В этой обгоревшей, пугающей недосказанности письма и в

давящем ритме земли вместо прежней мёртвой пустоты Самары внутри Виктора наконец-то проснулось то, ради чего стоило ломать кости на таёжной трассе.

У него появился смысл.

Глава 2. Две минуты до четверга

Вдруг по боковому стеклу раздался глухой, отчётливый стук.

Виктор вздрогнул. Сердце мгновенно подскочило к самому горлу. Он резко повернул голову. За залитым каплями весенней измороси окном, в полумраке апрельского вечера, стоял человек. Из-за плотного слоя грязи и конденсата силуэт казался размытым, но сквозь мутную пелену проступала крупная фигура с густой, окладистой бородой.

Виктор выдохнул, чувствуя, как медленно отпускает сковавший тело спазм. Он перегнулся через пассажирское сиденье и опустил стекло. Сырой, резкий воздух тайги тут же ворвался в салон, принеся с собой запах прелой хвои и мокрого дерева.

Незнакомец опустил тяжёлую руку на край двери, окинул Виктора долгим, нечитаемым взглядом и глухо произнёс вместо приветствия:

— Заблудился?

Виктор толкнул тяжёлую дверь машины и вышел в сырую весеннюю изморось. Под ногами захлюпал подтаявший наст. Прежде чем захлопнуть дверь, Виктор привычным движением выдернул ключи из замка зажигания и крепко сжал их в ладони. Тяжёлая старая связка ощущалась почти как оружие осязаемый, холодный якорь, удерживающий его посреди

этого таёжного бездорожья. Виктор спрятал ключи глубоко в карман куртки, чувствуя, как они давят сквозь ткань.

Боковым зрением, у самого подножия бетонного портала КПП, Виктор выхватил крошечный, едва заметный штрих, в сырой грязи у обочины, наперекор ледяному апрельскому ветру, упрямо тлел свежий сигаретный окурок. Тонкая серая струйка дыма вертикально и ровно уходила вверх, будто закон тяготения здесь потерял силу. Виктор не стал вглядываться, списав это на присутствие охраны.

Мужчина, стоявший у двери, изучил его долгим, пронизывающим взглядом. Виктор никогда раньше не видел этого человека с окладистой седой бородой, но почему-то сразу понял: именно он даст ему ответы. Виктор вытащил из кармана обгоревший конверт с координатами.

— Это от Иваныча, -тихо сказал он.

Старик скользнул взглядом по почерку на пожелтевшей бумаге, а затем снова резко вскинул глаза на Виктора. На секунду его суровое лицо дрогнуло, а в зрачках мелькнуло странное, растерянное дежавю. Дядя Миша моргнул, тряхнул головой, прогоняя наваждение, и едва заметно кивнул.

— Пойдём в барак, — глухо бросил он, разворачиваясь-

— Зубами на таком воздухе быстро застучишь. Меня Мишей звать. Для своих -дядя Миша.

Виктор молча пошёл следом. Они миновали несколько покосившихся, серых от времени строений, иссечённых таёжными ветрами, и подошли к жилому бараку.

На крыльце, прямо на холодной доске, сидела девушка. Тонкая, почти прозрачная в своей просторной шерстяной кофте, она смотрела не на Виктора, а куда-то сквозь него, в пустоту апрельских сумерек. Перед ней на деревянной ступеньке лежали мелкие серые камешки, выложенные в ровный ряд. Она сосредоточенно перекладывала их по одному слева направо, слева направо, будто отсчитывала песчинки в невидимых часах.

При приближении шагов девушка подняла голову. Её взгляд, лишённый привычного фокуса, казался пугающе отрешённым.

— Снег сегодня тает на две минуты раньше, чем вчера, - нараспев произнесла она, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Две минуты. Раньше. Вчера.

Она сделала паузу, её пальцы замерли над очередным камнем.

— Ты же знал Иваныча, -сказала она в пустоту.

— Знал, -тихо ответил Виктор.

— Он обещал вернуться в четверг. Люба резко поднялась, и серые камешки с тихим стуком покатились по ступенькам.

— Двенадцать четвергов назад. Он не вернулся.

Она повернулась и быстро зашла в дом, оставив за собой лишь сквозняк.

Внутри барака пахло сухими дровами, дёгтем и крепким чаем. В углу уютно, утробно гудела прямоугольная печка, сваренная из толстого листового металла

— топорная, надёжная работа, которую Виктор сразу оценил намётанным глазом кузовщика. Дядя Миша молча налил в две старые алюминиевые кружки крутой кипяток, бросил туда по увесистому куску колотого сахара и пододвинул одну Виктору.

— Я уж думал, никто не приедет. Стоял, ждал у КПП, тихо проговорил дядя Миша, устраиваясь напротив за деревянным столом.

— А она тебя ждала.

Виктор поднял глаза от кружки, ощущая, как горячий металл обжигает пальцы:

— Откуда вы знали, что я приеду именно сегодня?

— Люба сказала, старик кивнул в сторону закрытой двери в соседнюю комнату. Дочка Иваныча. Чувствуешь этот гул под полом? Вот и она не ушами его слышит, а как-то изнутри, костями. Вчера к вечеру вдруг замерла у окна, застучала пальцами по подоконнику и говорит: «Он едет. Письмо везёт». Она никогда не ошибается. А письмо… как оно к тебе попало? Иваныч ведь перед смертью уже совсем плох был, сам отправить не мог.

— Его просто бросили в мой почтовый ящик, тихо ответил Виктор, опустив руку в карман и сжав пальцами ключи.

— Ни штемпелей, ни обратного адреса. Конверт появился там ровно в день, когда мне исполнилось сорок. Чья-то злая шутка или чей-то безупречный расчёт.

Дядя Миша тяжело вздохнул, и его лицо на секунду пока-

залось ещё более суровым, словно высеченным из камня.

— В этих местах случайности давно отболели, Витя. Ты думаешь, «Сова» -это просто старая заброшенная колония, которую закрыли за ненадобностью? Нет. Всё это охрана для закрытого объекта.

Виктор протянул ему уцелевшие обрывки письма. Старик взял листы своими тяжёлыми, мозолистыми пальцами, медленно провёл глазами по строкам, задерживаясь на обугленных краях, и аккуратно вернул их на стол.

— У меня нет ответов на твои вопросы, понизив голос, произнёс дядя Миша.

— Я лишь знаю, что охраняю заброшенный бункер на территории колонии. Рядом с ним эти вибрации усиливаются до тошноты. Я сам стараюсь туда лишний раз не ходить. Говорят, эта земля не случайно была выбрана для «Совы».

— Тут в древности славянское капище стояло. В семидесятых сюда советскую экспедицию прислали: учёных, геологов, историков. Иваныч мне рассказывал, что сам был руководителем этой группы от комитета, но не вдавался в подробности. А ночью что-то произошло.

Дядя Миша потянулся к охапке дров, достал плотное полено карагача и подбросил его в топку. Печь отозвалась голодным, яростным треском, выбросив в комнату волну сухого жара. Старик прикрыл дверцу, и в полумраке его голос зазвучал тише:

— Наутро лагерь опустел. Вся экспедиция, все учёные,

все исчезли в один миг. Оставили свои вещи, недоеденный завтрак и тёплые постели. Живым остался только один Иваныч. И этот бункер здесь остался как цена за ту ночь. Но я тебе, Витька, всего не расскажу, у меня от этих мыслей только в висках стучит. Да и подписка у меня была… старая. Но тут на отшибе, за жилыми постройками, погост наш заброшенный. Там старик один обретается. Сторож лагерного кладбища. Он из той самой экспедиции семидесятых один живой и остался, кроме Иваныча. Как тогда всё случилось, он лопату из рук не выпускает, всё ковыряется там. Сходи к нему. Если кто и помнит твоего отца Женю и то, что они на капище сотворили, так это он.

Старик повернулся к двери в соседнюю комнату и позвал:

— Любка! Проводи Витьку до погоста. Сама знаешь дорогу.

Девушка вышла бесшумно. Она просто двинулась к выходу, и Виктор пошёл за ней.

В этот самый момент под полом барака монотонный, тяжёлый гул, к которому Виктор уже начал привыкать, на мгновение оборвался. Пространство вокруг на секунду сделалось неестественно лёгким, а затем снизу, из самой глубины земли, донёсся короткий, отчётливый металлический лязг. Глухой и тяжёлый, словно кто-то огромный в темноте бункера перевернулся и пошевелился.

Папка №1 ОБЪЕКТ «СОВА». ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ЗАКРЫТОГО ДЕЛА №07-Х

Из рабочих тетрадей старшего инженера геологоразведочной группы Е. В. Жилина (Период: 2 апреля — 12 апреля 1970 г.)

2 апреля 1970 г.

Тайга замерла перед весной, но тепла нет. Апрель здесь грязный, тяжелый. Наст держится прочно, колея от лесовозов замерзает к ночи так, что наш ГАЗ-66 бьется подвеской до скрежета в зубах. Иваныч сегодня с утра опять рвал и метал, спецсвязь из центра задерживает поставку глубоких осциллографов. Солдаты из оцепления ворчат, мёрзнут на вышках.

Я весь день провел на раскопе квадрата 14-Б. Странная тут мерзлота. Буровые коронки горят одна за другой, будто мы упираемся не в лед со скалой, а в каленый промышленный прокат. На глубине семи метров порода пошла ровными, гладкими пластами. Слишком ровными для тектоники. Стыки плотные, микронные. Когда зачищали шурф лопатами, у меня возникло дикое, душное ощущение, что мы не вскрываем землю, а соскребаем краску со старого, давно

запертого засова. Вечером у костра Иваныч долго смотрел на чертежи, молчал, курил одну за другой. У него застарелый панический страх перед этим местом, я вижу. Он называет это «объектом», хотя по всем документам Главка мы просто фиксируем сейсмический сдвиг. Ольга просила не задерживаться в котловане допоздна. Она бледная в последнее время, спит плохо. Ребенок внутри нее шевелится, и когда я прижимаю ладонь к ее животу, мне кажется, что его пульс бьется быстрее моего. Намного быстрее.

Глава 3. Системный сбой

Металлический лязг из-под пола затих так же внезапно, как и начался. Пространство барака, на мгновение потерявшее вес, снова налилось свинцовой тяжестью, а подземный гул вернулся к своему привычному, душному ритму.

Виктор огляделся, но в тускло натопленной комнате ответов не было. Всё вокруг казалось застывшим, ненастоящим. Он решительно шагнул к выходу, чувствуя, что оставаться в четырёх стенах больше невозможно.

Они вышли в сырую весеннюю изморось. Тайга пахла прелой, замерзающей хвоей и талым снегом. Посёлок вокруг «Совы» казался абсолютно мёртвым, но это была не тишина, а затаившееся, тяжёлое ожидание. Люба шла впереди. Она не оборачивалась, не проверяла, идёт ли Виктор за ней. Ей не нужно было хотеть или сомневаться. Она просто двигалась вперёд, ровно, размеренно, словно ведомая внутренним, невидимым метрономом. А Виктор шёл следом, ловя взглядом её хрупкий силуэт в наползающих сумерках.

Посёлок оборвался внезапно, уступив место серому, мокрому апрельскому погосту

Вместо глухих стен бараков, покосившиеся кресты. Выцветшие, покрытые ржавыми подтёками жестяные таблички без звука шевелились под порывами сырого таёжного ветра. Место, где исчезновение целой экспедиции было нормой.

Земля просто приняла тех, кто ушёл.

Люба шла медленным шагом, её ноги оставляли чёткие следы в грязной каше. Но вдруг она остановилась. Не резко, а просто замерла, будто внутри её механизма сработал невидимый стопор. Напротив одной из могил.

Она стояла у этого безымянного холмика, уставившись в пространство. Виктор замедлил шаг и замер чуть позади. Напряжение сделалось осязаемым. Для Любы в эту самую секунду не существовало ни погоста, ни апреля. Время для неё не имело делений на «тогда» и «сейчас». Оно существовало одновременно.

Молодая женщина сидела над колыбелью. Это была глухая таёжная ночь, за тонкими стенами барака выл ветер, но в комнате стояла душная, звенящая тишина. Женщина плакала. Тихо, почти беззвучно, чтобы не разбудить спящего в углу мужа, но плечи её судорожно вздрагивали.

В её руке был зажат измятый листок, заключение врача из ведомственного госпиталя. Слова не нужно было читать, они и так горели в темноте перед глазами, выжженные безразличным почерком: «Она никогда не будет плакать. Никогда не улыбнётся. Никогда не позовёт тебя мамой. У неё отсутствует эмоциональный спектр. Она не будет страдать и не будет радоваться. Она просто будет существовать рядом. Если вы сможете так жить, живите. Если нет, оставьте сейчас, пока не привыкли».

Мать сквозь слёзы смотрела в колыбель. Маленькая Лю-

ба лежала на спине, широко открыв глаза. Девочка смотрела на плачущую женщину, спокойно, ровно, без единого звука. В её взгляде не было детского узнавания, не было пугливого вопроса, не было вообще ничего человеческого. Абсолютная, зеркальная гладь.

Щелчок. Излом реальности прекратился, и время с глухим ментальным стуком вернулось на свою правильную, земную ось событий. Прошлое отпустило пространство, вернув очертания сырого апрельского погоста.

Люба всё так же стояла перед старым деревянным крестом. На металле не осталось имени, серая краска полностью сошла от времени и дождей, пощадив только две сизые даты рождения и смерти. Ничего больше.

Девочка смотрела на цифры ровным, застывшим взглядом. Её лицо оставалось абсолютно монолитным, словно вырезанным из того же серого дерева, что и крест. На её детском лице не дрогнул ни один мускул. Она замерла ровно столько, сколько требовал её внутренний, скрытый от остальных счёт, в котором не было места человеческой скорби.

Виктор сделал шаг вперёд, чувствуя, как морозный воздух обжигает лёгкие.

— Ты знала её? -тихо спросил он, ловя её пустой взгляд.

Пауза затянулась. Люба медленно перевела глаза со стёртых цифр на Виктора. В её зрачках отражалось серое таёжное небо, бесконечное и абсолютно равнодушное ко всему

живому.

— Нет, так же нараспев, как и на крыльце барака, ответила она.

Развернувшись, Люба ровным, размеренным шагом пошла дальше по тропинке. Виктор двинулся за ней и только сейчас, сквозь пелену измороси, заметил то, чего не видел раньше из-за пелены тумана.

У края свежей, разрытой ямы, по колено в грязном насте, работал человек. На вид ему было глубоко за шестьдесят, в поношенной лагерной телогрейке, с серым от копоти лицом. Он копал землю, спокойно, размеренно.

Старик неторопливо воткнул лопату в тяжёлую, сочащуюся влагой землю, выпрямился и стащил с головы засаленную шапку. Его глаза, подёрнутые мутной пеленой, сфокусировались на Викторе. Когда старик вгляделся в черты его лица, лоб его прорезала глубокая складка. Он замер на секунду, словно лицо Виктора показалось ему смутно, пугающе знакомым, будто он уже видел эти же линии. Старик моргнул, прогоняя наваждение, и перевёл взгляд на карман Виктора, где тот всё ещё сжимал ключи.

— Приехал всё-таки… -вместо приветствия глухо произнёс старик. Голос его скрипел, как несмазанные петли гермодвери.

— Железо в твоём кармане фонит так, что у меня зубы сводит. Знакомая связка. Иваныч её берёг, из рук не выпускал.

Виктор сделал шаг ближе к яме, чувствуя, как от близости этого человека волоски на руках встают дыбом.

— Кто вы? -вполголоса спросил Виктор, стараясь удержать ускользающее ощущение реальности.

— Я пробовал уйти, -тихо, почти шёпотом произнёс Старик.

— Каждый раз, как солнце заваливается за макушки хвои, бросаю лопату и иду к тропинке. Дохожу до первого серого креста у края… и всё.

Он посмотрел на свои ладони, где под слоем копоти белели глубокие старые шрамы от сорвавшегося топорища.

— Ноги идут, а душа будто в стекло упирается. Никакой стены нет, воздух сырой, апрельский, сквозь пальцы течёт. А перешагнуть не могу. Стоит отпустить черенок — и Гул под землёй выть начинает так, что череп трещит.

Виктор поглядел на сочащуюся влагой жижу:

— И для кого ты копаешь, старик? Здесь же сорок лет никого не хоронили.

Старик медленно нажал сапогом на перекладину лопаты, вгоняя стальное лезвие в грязный талый наст, и не оборачиваясь скрипнул:

— Для тех, которых нет.

Он опустил голову. Нажал сапогом на перекладину лопаты, вывернул ком жирной, сочащейся влагой земли и откинул в сторону. Секунда затишья и стальное лезвие снова с глухим стуком вонзилось в наст. Он повторил это движе-

ние раз, ещё раз, размеренно и тяжело, подчиняясь скрытому внутреннему ритму. Виктор сделал шаг назад, но Старик больше не поднимал глаз. Он не видел и не слышал их, полностью растворившись в своей бесконечной, мёртвой работе.

Фигура старика у ямы начала медленно растворяться в нарастающих апрельских сумерках, смешиваясь с обычным серым туманом. Виктор обернулся. Люба уже шла обратно по тропинке, не прибавляя и не сбавляя шагу. Наступала глухая, леденящая таёжная ночь. Под их ногами, глубоко под слоем мёртвой земли, снова глухо и плотно запульсировал утробный трансформаторный гул бункера

Папка №2 ОБЪЕКТ «СОВА». ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ЗАКРЫТОГО ДЕЛА №07-Х

Клиническая карта новорождённой Ивановой Л. И.
(Ведомственный госпиталь №4, спец сектор)
Дата заведения карты: 29 октября 1975 г.

Учреждение: Закрытый стационар специального назначения Третьего управления Минздрава СССР (при ИТК «Сова», объект 14-Б).

Ведущий специалист: Старший ординатор отделения спец неврологии, кандидат медицинских наук майор мед службы Шепелев А. Н.

Пациент: Иванова Любовь Ивановна. Дата рождения: 14 октября 1975 г. (Рождена семимесячной).

Мать: Вольнонаёмная сотрудница хозяйственного сектора ИТК «Сова» (данные изъяты согласно директиве №09/сс).

Отец: В графе со слов матери указан Иванов И. И., капитан внутренней службы. Анамнез родов и первичное обследовани

Роды преждевременные, на 29-й неделе гестации, протекали на фоне острого реактивного психоза матери. Родо-

вспоможение оказывалось в условиях ведомственного изолятора лагерного поселка ввиду невозможности транспортировки роженицы на большую землю (размыв единственной грунтовой дороги, неблагоприятные метеоусловия).

При поступлении мать находилась в состоянии кататонического ступора, чередующегося со вспышками неконтролируемой паники. В бреду роженица постоянно повторяла жалобы на «утробный трансформаторный рев», якобы исходящий из-под бетонного настила пола палаты, и утверждала, что «земля считает секунды вспять». Введение седативных препаратов (аминазин, тизерцин) должного терапевтического эффекта не возымело.

Плод извлечен методом экстренного кесарева сечения. Вес при рождении: 1650 граммов, рост: 41 см. Оценка по шкале Апгар: 4/5 баллов. Первичный крик отсутствовал. Асфиксия новорождённого купирована аппаратной подачей кислорода.

Особые клинические наблюдения и аномалии развития

Субъект переведён в закрытый бокс спец сектора №3 для динамического наблюдения ввиду обнаружения системных неврологических и физиологических дефектов, не поддающихся стандартной клинической классификации.

Аномалия эмоционально-волевой сферы (Аффективный блок)

В ходе тридцати дневного мониторинга у новорождённой Ивановой Л. И. зафиксировано абсолютное отсутствие

базовых безусловно-рефлекторных эмоциональных реакций. Субъект не издает звуков (плач, кряхтение), характерных для младенцев данного возраста, в том числе при воздействии прямых болевых раздражителей (взятие венозной крови, инъекции витаминных комплексов).

При физическом контакте с кожей матери или медицинского персонала новорождённая не проявляет признаков узнавания или пугливости. Мышечный тонус лица статический, мимика полностью отсутствует («маска образное лицо»). Глазные щели открыты широко, взгляд фиксированный, ровный, направлен строго перед собой. В поведении субъекта отсутствует детский поисковый фокус; создаётся устойчивое визуальное ощущение, что новорождённая воспринимает пространство не дискретно (как набор предметов), а как сплошную зеркальную гладь.

Хроно-синхронизация кардио респираторной системы

Наиболее пугающий дефект зафиксирован при снятии непрерывной электрокардиограммы (ЭКГ) и пневмо граммы субъекта. Частота сердечных сокращений (ЧСС) новорождённой стабильно удерживается на отметке 60 ударов в минуту, что является тяжелейшей, несовместимой с жизнью брадикардией для недоношенного младенца. Однако признаков гипоксии, цианоза кожи или падения артериального давления не наблюдается. Плоть субъекта функционирует в режиме абсолютного энергосбережения.

При сопоставлении ленты ЭКГ новорождённой с пока-

заниями сейсмографических датчиков Комитета, установленных в заброшенном подземном бункере Объекта 14-Б выявлена стопроцентная, микронная синхронизация. Каждый удар сердца младенца с точностью до миллисекунды совпадает с пиком низкочастотной подземной вибрации (42 Гц), исходящей из-за запертой гермодвери раскопа. Дыхательный цикл субъекта (ровно 20 вдохов в минуту) точно так же привязан к фазам затухания и нарастания этого утробного Гула.

Субъект фактически не имеет автономного биологического ритма; её вегетативная нервная система полностью подчинена и встроена в физическую частоту изломанного пространства «Совы».

Температурный феномен

Температура кожных покровов новорождённой в области дистальных отделов конечностей (кисти рук, подошвы стоп) стабильно держится на отметке плюс 14,2 градуса по Цельсию, независимо от температуры воздуха в кувезе (поддерживается режим плюс 32 градуса). При этом признаки некроза тканей, обморожения или нарушения капиллярного кровотока отсутствуют. Кожа бледная, холодная на ощупь, сухая, под пальцами ощущается неестественная плотность, напоминающая остывающий гидротехнический бетон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.